

3. Іофе, Э. Яўрэі / Э. Іофе // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын; Дадатак / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2003. – С. 309-310

4 Баторын, Ф. Развейванне міфаў / Ф. Баторын // Літаратура і мастацтва. – 1997. – 7 лютага.

5. Космач Г. Гуртуючы нацыю / Г. Космач // Полымя. – 2001. № 12. – С. 319.

ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ XIX В.

Сугако Н.А. г. Минск, БГУИР

Теория «официальной народности» возникла в России в 1830-х гг. Ее основные положения обозначил товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров как «православие, самодержавие, народность». С.С. Уваров не дал развернутого изложения сущности и содержания своей триады, очень часто ограничиваясь условными трактовками. Одним из наиболее ранних упоминаний о теории «официальной народности» исследователь А. Зорин считает письмо, адресованное С.С. Уваровым Николаю I в марте 1832 г. В нем С.С. Уваров обосновал необходимость государственной идеологии и указал, что без православия «народ обречен на гибель». Самодержавие объявлялось «необходимым условием существования империи в ее настоящем виде», а содержание народности вообще не трактовалось. С.С. Уваров только заявил, что «вопрос о народности более сложен, чем о самодержавной власти» [3, с. 97–98]. Отказываясь от развернутого и точного изложения своей триады, власть сохраняла за собой право определять, «насколько те или иные проявления общественной жизни укладываются в заданные параметры» [3, с. 72]. В результате разработкой этой теории занимались общественно-политические деятели и ученые. Они внесли значимый вклад в ее содержание и трактовку. К числу сторонников государственной идеологии в разное время относили историка Н.Г. Устрялова, журналистов Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, литературоведа О.И. Сеньковского. Вместе с тем, неоспоримым фактом является то, что главными идеологами теории «официальной народности» являлись ми-

нистр народного просвещения С.С. Уваров, историк М.П. Погодин, литературовед С.П. Шевырев.

Государственный чиновник С.С. Уваров видел в М.П. Погодине и С.П. Шевыреве представителей части общества, которая разделяет государственную идеологию, но вместе с тем напрямую не связана с властью. Их общественно-политическая деятельность давала правительству возможность не насаждать, а распространять теорию «официальной народности» в обществе [5, с. 17]. Немаловажным фактором этого сближения являлось и то, что М.П. Погодин и С.П. Шевырев являлись преподавателями Московского университета и имели возможность доносить свои политические взгляды до молодого поколения. Одной из главных задач государственной идеологии было не допустить проникновения и распространения в обществе, особенно в среде студенческой молодежи, революционных идей. Еще в 1830 г. М.П. Погодин утверждал, что значение образования велико, «без него нельзя иметь ни совершенной веры, ни любви к Отечеству, ни преданности к верховной власти, ни благоговения к законам. Только наука, доказывая удовлетворительно святость престола и необходимость верховной власти, вызывает у граждан благоговение к ее постановлениям, удерживает от преступных покушений, убеждает пользоваться умеренно и терпеть безропотно» [12, с. 8]. Особую роль в деле просвещения М.П. Погодин отводил «ученому сословию», которое считал «цветом общества» [11, с. 37]. По мнению историка, через свои лекции и авторские учебные пособия преподаватели должны были не только обучать, но и воспитывать студентов.

Еще в 1820-х гг. Погодин М.П. указывал на недостаточное количество учебников. Совместными усилиями М.П. Погодин со своими учениками, среди них были студенты Беляев И.Д., Бецкий И.Е., Горлов И.Я., Самарин Ю.Ф., Катков М.Н., переводили «классические произведения» по истории Байера Г.З., Эверса И.Г., Гизо Ф.П., Беттигера К., Герена А., Нича К.В., Шлецера А.Л. [6, т. 2, с. 232]. Таким образом, привлекая студентов к переводам «классических произведений», он пытался решить проблему нехватки учебных пособий [7, л. 8]. Однако эти меры носили паллиативный характер. В итоге М.П. Погодин пришел к мысли о необходимости издания отечественных учебников по истории. В 1835 г. вышла книга «Лекции профессора М.П. Погодина по Герену о политике, связи и торговле

главных народов древнего мира» [8]. В предисловии к ней М.П. Погодин определил причины необходимости издания учебников. Они заключались в том, что российский студент начала XIX в., «кроме лекций, не имел возможности пользоваться никакими посторонними пособиями для науки, ибо ученая русская литература очень бедна, а иностранные книги дороги, редки и часто недоступны для него, по незнанию языков» [8, с. 1]. В автобиографии Погодин высказал мысли, актуальные и ныне: «для студентов вообще необходимы руководства, по коим они могли бы повторить выслушанные лекции; записывая, лишаются выгоды слышать живое слово и принимать его впечатления прямо на душу, легко могут впасть в ошибки и пропускать важное» [7, л. 9]. Он доказывал, что каждый профессор должен издавать курсы лекций или учебники по своему предмету. Эта мера, по его мнению, облегчит процесс получения образования студентами.

В 1835 г. Погодин М.П. опубликовал «Начертание русской истории для училищ» [10]. Учебник имел свои достоинства и недостатки. К первым можно отнести то, что в нем последовательно и взаимосвязано изложены главные события истории России с IX по XIX вв. Недостатки учебника видел и указал сам автор: краткость и сухость изложения материала. Выхода в свет данного учебника с нетерпением ждало российское общество, которое оценило его критически. По признанию Белинского В.Г., выступившего с рецензией на это издание, «книга не достойна своего автора». В учебнике, который был «составлен слишком на скорую руку», он видел «большое количество недостатков и упущений». К их числу Белинский относил «отсутствие хронологии», неправильное деление истории на периоды, «язык неправильный и необработанный» [1, с. 312–313]. Однако эта неудача не остановила Погодина М.П.. После небольшого перерыва, в 1837 г. вышло «Начертание русской истории для гимназий» [9]. Издание этого учебного пособия было связано с тем, что Министерство народного просвещения в январе 1836 г. объявило конкурс написание учебника по истории. В соответствии с условиями конкурса победителю гарантировалась премиальная оплата, а учебник, признанный лучшим, Министерство народного просвещения планировало распространить во всех средних учебных заведениях. Авторы пособий в изложении материала должны были руководствоваться одним принципом: «необходимо, чтобы выражение идеи

православия, самодержавия и народности не ограничивались одними пышными фразами, а предоставлялось доказывать самими фактами» [2, с. 118]. Таким способом Министерство народного просвещения и стоявший во главе него Уваров С.С. пытались утвердить в преподавании истории принципы теории «официальной народности».

В рамках конкурса и был заявлен учебник Погодина М.П. «Начертание русской истории для гимназий». В нем принцип изложения материала и основное содержание соответствовали предшествующему изданию – «Начертание русской истории для училищ». В учебном пособии для гимназий Погодин только расширил сведения, касающиеся «сцены действий в период уделов, о казаках, о Литве, об отношениях России к Польше, об унии» [9, с. VI]. Специальный комитет при Министерстве народного просвещения, проанализировав представленную работу, сделал вывод, что «русская история профессора Погодина не соответствует правилам, изложенным в программе министерства, ... и не может быть употребляема как учебное руководство в гимназиях» [2, с. 119]. Победу в данном конкурсе одержал Устрялов Н.Г., который более убедительно обосновал основные положения теории «официальной народности». По мнению исследователя Володиной Т.А., причина неудачи Погодина заключалась в том, что «история в его интерпретации не вписывалась в рамки уваровской триады» [2, с. 119]. Однако с данным утверждением нельзя согласиться. Необходимо отметить, что Погодину М.П. была присуща особая манера представления материала, которую можно охарактеризовать одним словом – схематичность. Он не мог излагать свои исторические взгляды и идеологию уваровской триады в виде строгой, лаконичной системы. Министерство народного просвещения не устанавливало каких-либо рамок в трактовке теории «официальной народности». Уваров С.С. к объяснению своей триады подходил скорее с позиции обоснования ее необходимости для государства и общества, чем с позиции объяснения ее содержания. Его государственная идеология, по мнению Качалова И.Л., отвергала «революционность» и предлагала российскому правительству и обществу альтернативу – «путь постепенного реформирования общества на основе соблюдения национальных традиций» [4, с. 72]. Погодин М.П., как ученый, ставил несколько иные задачи. Он обосновывал теорию «официальной

народности» с позиции исторической науки, а на практике осуществлял пропаганду государственной идеологии и воспитание молодого поколения в ее духе через лекции, учебную и научную литературу.

Таким образом, Погодин М.П. как идеолог теории «официальной народности» большое внимание уделял не только трактовке и разработке данной государственной идеологии, но и ее пропаганде. Это нашло свое проявление в педагогической и научной деятельности историка, издании им учебной литературы.

Использованная литература

1. Белинский, В.Г. Начертание русской истории для училищ. Сочинение профессора Погодина / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – С. 312–313.

2. Володина, Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории / Т.А. Володина // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 117–128.

3. Зорин, А. Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции (неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 71–104.

4. Качалов, И.Л. Революционность и консерватизм как идеологические альтернативы в русской общественной мысли первой половины XIX в. / И.Л. Качалов // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI: сборник материалов республиканских научных чтений, посвященных памяти профессора И.В. Оржеховского, Брест, 27 мая 2003 г. / БрГУ им. А.С. Пушкина; Брест, 2004. – С. 67–72.

5. Качалов, И.Л. Теория официальной народности: к проблеме авторства / И.Л. Качалов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1992. – № 3. – С. 15–18.

6. Петров, Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. / Ф.А. Петров. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – Т. 4.

7. Погодин, М.П. Автобиография – отрывки / М.П. Погодин // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. – Фонд М.П. Погодина 231/1. – П. 51. – Ед. хр. 1. – 29 л.

8. Погодин, М.П. Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговли главных народов древнего мира / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1835. – 321 с.
9. Погодин, М.П. Начертание русской истории для гимназий / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1837. – 408 с.
10. Погодин, М.П. Начертание русской истории для училищ / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1835. – 323 с.
11. Погодин, М.П. Об ученом сословии и историческом его назначении. Слово, произнесенное в торжественном собрании императорского Московского университета, ординарным профессором М. Погодиным. 1834 / М.П. Погодин // Сочинения: в 5 т. – М.: Синодальная типография, 1872. – Т. III: Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. – С. 25–44.
12. Погодин, М.П. Слово о назначении университетов вообще и в особенности русских, произнесенное на торжественном собрании императорского Московского Университета, адъюнктом М. Погодиным. 1830 / М.П. Погодин // Сочинения: в 5 т. – М.: Синодальная типография, 1872. – Т. III: Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. – С. 3–20.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Таркан И.И.

г. Минск, Академия управления при
Президенте Республики Беларусь)

Особенности национального самосознания белорусов исторически формировались в контексте *консенсусного* типа культуры. Социокультурный ландшафт белорусских земель не был единым и характеризовался историческим взаимодействием (иногда конфликтным) католицизма и православия, доминированием то западного (ВКЛ, Речь Посполитая), то восточного (Российская империя) опыта социального и культурного бытия. В отдельные периоды своей истории белорусские земли ощущали определяющее воздействие то западноевропейской, то восточноевропейской культур. Белорусские земли и в прямом, и в переносном смысле всегда находились на перекрестке международных дорог, влияний, интересов, культур. С одной стороны, это создавало благоприятные условия